

Писемского... чудо как хороша – это воплощенное мастерство, сила и прелесть! Силен наш Ермил, право, силен...», – из письма Д. Я. Колбасина И. С. Тургеневу (Тургенев и круг «Современника» / под ред. Н. В. Измайлова. М. ; Л., 1931. С. 329).

- ¹³ Анненков П. Деловой роман в нашей литературе // Анненков П. Критические очерки. С. 182.
- ¹⁴ Анненков П. Русская беллетристика в 1863 году // Анненков П. Собрание статей и заметок в 2 т. СПб., 1879. Т. 2. С. 316.
- ¹⁵ Писемский А. Письма / под ред. и комм. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М. ; Л., 1936. С. 391. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.
- ¹⁶ О том, насколько изменилось отношение Писемского к Анненкову при личном знакомстве, свидетельствует записочка 1858 г.: «Завтрашний день, т. е. в Воскресенье, вся наша братия обещали собраться у меня вечерком. Приходите, мой дорогой, пожалуйста: без вас беседа не в беседу! Пожалуйста!» (Писемский А. Письма. С. 128).
- ¹⁷ «Читал <”Тысячу душ”> одному только Анненкову, не знаю, искренно ли, а говорит, что хорошо. Я же... могу сказать только то, что по мысли всё идет шире и шире», – из письма Писемского И. С. Тургеневу от

18 июля 1855 г. (Тургенев И. Письма // Лит. наследство. Т. 64. Ч. 2. С. 14).

- ¹⁸ «С величайшим нетерпением буду ждать Вашей статьи о ”Тысяче душ”. <...> Я чрезвычайно люблю роман Писемского...» (Салтыков-Щедрин М. Полн. собр. соч. : в 15 т. / под ред. В. Я. Кирпотина, Лебедева-Полянского и др. М., 1933–1941. Т. XVIII. С. 144.
- ¹⁹ Анненков П. Русская беллетристика в 1863 году. Анненков П. Собрание статей и заметок. СПб., 1879. Т. 2. С. 193.
- ²⁰ Там же. С. 316.
- ²¹ Анненков П. Критические очерки. С. 283.
- ²² Там же. С. 201.
- ²³ Там же. С. 179.
- ²⁴ Там же. С. 181.
- ²⁵ Там же. С. 183.
- ²⁶ Там же. С. 179 .
- ²⁷ Анненков П. Русская беллетристика в 1863 году. С. 322.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 321.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 322.

УДК 821.161.1.09-1+929 Фет

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРАЗЫ В СТИХОТВОРЕНИИ А. А. ФЕТА «ОБРОЧНИК»

Л. И. Черемисинова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru

В статье анализируется образный строй стихотворения А. А. Фета «Оброчник». Рассмотрение и истолкование его в контексте православной традиции позволяет по-новому осмыслить проблему «Фет и религия», раскрывает жизненное и поэтическое кредо автора.

Ключевые слова: лирика А. А. Фета, образный строй, аллегория, мотив, интерпретация.

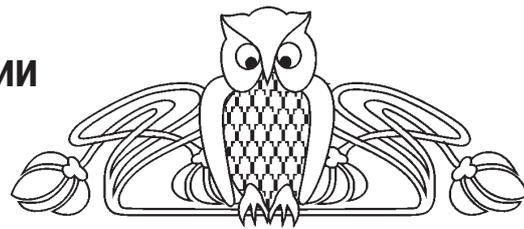
**Religious Images in the Poem by A. A. Fet «Obrochnik»
(Collector of Rent)**

L. I. Cheremisinova

The article analyzes the figurative structure of a poem by A. A. Fet «Obrochnik» (collector of rent). It being considered and interpreted in the context of the Orthodox tradition gives us insights into the problem of «Fet and religion», reveals the life and poetry credo of the author.

Key words: A. A. Fet poems, figurative system, allegory, motive, interpretation.

В литературоведении давно сложилось представление о Фете как о поэте-язычнике, человеке, далеком от религиозного мирозерцания, атеисте. Эта точка зрения, выраженная в работах авторитетных исследователей жизни и лирического творчества поэта: Г. П. Блока, Б. Я. Бухштаба, Л. М. Лотман,

Р. Густафсона и др.¹, – находится в противоречии с творчеством Фета (не только поэтическим, но и прозаическим: публицистикой, мемуарами, эпистолярием). Видимо, это противоречие имел в виду А. Е. Тархов, когда писал: «... одним из ключевых образов его поэзии (а что, как не поэзия, могло бы свидетельствовать о подлинной вере Фета?)» является «душа, прямо именуемая бессмертной»².

Вопрос о религиозности Фета был предметом дискуссии, развернутой на страницах зарубежной печати в 1983–1985 гг. Исходной точкой этой дискуссии явилась статья Н. А. Струве «О мировоззрении А. Фета: Был ли Фет атеистом?», опубликованная в журнале «Вестник русского христианского движения»³. Далее последовала серия откликов на поднятую автором тему⁴.

С точки зрения Н. А. Струве, фетовская лирика примыкает к «великой, духоносной традиции русской поэзии»⁵. Оппонентом Струве явился Е. Эткинд, в восприятии которого Фет – атеист, никогда своего атеизма не скрывавший⁶. «Спор этот, – писал позднее норвежский исследователь Э. Эгеберг, – скоро дошел до личных обвинений и оскорблений, хотя нетрудно увидеть, что точки зрения спорящих можно совместить: ведь в

лирике отъявленного атеиста могут встречаться религиозные темы, слова и выражения из Библии, даже целые стихотворения, перефразирующие рассказы из Библии или других религиозных произведений. <...> Объяснение такого кажущегося противоречия следует искать в принципиально символической природе искусства, не в меньшей мере проявляющейся в лирике. Наличие в стихотворении слова “Бог”, кроме первичного значения, может иметь неограниченное число дополнительных значений, из которых те или иные выдвигаются на передний план контекстом ...». «Библейская фразеология, – заключает далее Э. Эгеберг, – не может являться безоговорочным доказательством иудейской или христианской веры, хотя актуальность данного мировоззрения влияет на восприятие произведения искусства»⁷.

С последним утверждением трудно не согласиться. Однако хотелось бы добавить, что актуальность религиозного мировоззрения влияет не только на восприятие, но и на создание произведения искусства. Перевод разговора в сугубо эстетический план есть сознательное ограничение предмета исследования в соответствии с его задачами и не может претендовать на полноту анализа и интерпретации текста и уже тем более не может способствовать пониманию мировоззрения Фета.

Э. Эгеберг считает, что при рассмотрении стихотворений Фета «следует исходить не из предвзятых точек зрения (“Фет-атеист”, “Фет-верующий” и т. п.), а из желания установить место религиозных мотивов в лирике поэта. Таким образом, сосредоточивая внимание на стихотворении не как на свидетельстве личного мировоззрения его автора, не как на высказывании о религии, а как на предмете искусства, мы не можем придавать решающего значения утверждениям, встречающимся в письмах, дневниковых записях и т. п.»⁸

Действительно, эстетический (имманентный) анализ текста позволяет судить о произведении искусства, исходя из внутренне присутствующих ему закономерностей, вне зависимости от «затекстовых» реалий. Между тем полнота и объективность картины появляется только при сочетании имманентного анализа с тщательным изучением всего объема контекста (биографического, эпистолярного, мемуарного, историко-литературного и т. д.). Два названных подхода к изучению истории литературы взаимосвязаны, обогащают друг друга, и вряд ли целесообразно игнорировать какой-либо из них. «Теоретически стационарное рассмотрение художественных произведений, – писал А. П. Скафтымов, – для истории литературы имеет значение лишь как установка фактов, с которыми она потом входит в область собственно генетических задач. В пределах генетических построений история литературы утилизирует исторические приемы изучения во всей полноте (изучение биографии, ближайшей среды, общих условий соответствующей эпохи и пр.), поскольку они окажутся нужными для причинной психоло-

гической интерпретации художественного произведения»⁹.

Участники диалога в «Вестнике русского христианского движения» (Н. Струве, Е. Эткинд, М. Макаров, М. Юлиания) изложили свое видение интересовавшей их проблемы, оставшись каждый при своем мнении. Для ее дальнейшей разработки требовалось погружение в творческое наследие Фета в условиях отсутствия академического издания его сочинений¹⁰, углубление в жизнеописание поэта при отсутствии его научной биографии и полной летописи жизни и творчества.

В настоящее время наметились серьезные подвижки в изучении мировоззрения Фета, чему способствует публикация эпистолярия¹¹ поэта, в котором открывается его неоднозначная, противоречивая, уникальная личность. Переписка Фета с современниками содержит ряд любопытных фактов, касающихся его религиозной самоидентификации, а также раскрывает различные аспекты восприятия Фета его литературным окружением. Например, в письме к Н. Н. Страхову от 5 февраля 1880 г. Фет признавался: «Ни я, ни Шопенгауэр не безбожники, не атеисты»¹².

Проблема «Фет и религия» сложна и деликатна, требует вдумчивого и всестороннего изучения. В последние годы появились работы такого плана. Среди них в первую очередь следует назвать труды современной финской исследовательницы Вероники Шеншиной¹³, посвященные осмыслению христианских, православных основ поэзии Фета.

«Не следует, видимо, стремиться, – справедливо писала Л. Роземблюм, – к какому-то четкому, окончательному определению религиозного мировоззрения Фета, опровергая безосновательную характеристику его как атеиста. В действительности все было значительно сложнее. <...> Фет был человеком своего века со своим “мятущимся сознанием”, в счастливые творческие минуты ощущавший силу “небесного притяжения” (“И верю сердцем...”)¹⁴.

Духовно-эстетический аспект анализа отечественной литературы необходим; без него, по справедливому замечанию Р. Р. Измайлова, «русская литература будет понята неадекватно и представлена искаженно. <...> Творчество подлинного поэта так или иначе проникнуто богословской интенцией»¹⁵.

Религиозные сюжеты, мотивы и образы встречаются во многих стихотворениях поэта. Достаточно вспомнить, например, «Когда Божественный бежал людских речей...» (в его основе лежит евангельский сюжет об искушении Христа в пустыне), «Всеобщий наш Отец, который в небесах...» (стихотворное переложение молитвы «Отче наш»), «Не тем, Господь, могуч, непостижим...», «1 марта 1881 года (День искупительного чуда...», рождественское стихотворение «Ночь тиха. По тверди зыбкой...» и др.

Достойное место в этом ряду занимает стихотворение «Оброчник», написанное 17 сентября

1889 г. С него начинается последний вышедший при жизни Фета, четвертый выпуск его сборника «Вечерние огни» (1890)¹⁶. Точнее, открывает сборник авторское предисловие, в котором говорится об обращенности его поэзии к узкому кругу читателей, о нежелании автора, чтобы в его «поэтические окна» заглядывали далекие от искусства люди. За этим «ключевым» текстом сборника следует первое стихотворение – «Оброчник».

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду, и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
И я блажен и горд, святыню воспевая.

Пою, и помыслам неведом детский страх,
Пускай на пенье мне ответят воем звери,
С святыней над челом и песнью на устах,
С трудом, но я дойду до вожделенной двери.

При всей своей краткости (всего восемь строк), при всей кажущейся простоте и ясности стихотворение полно загадок. Оно отличается подчеркнуто аллегорической образностью, хотя аллегория, как известно, не характерна для оригинальной фетовской лирики, непосредственно выражающей чувства, мысли, переживания, настроения лирического героя. Стихотворение сюжетно, хотя и это качество не свойственно его поэзии, далекой от повествовательности.

Оригинальное толкование аллегорических образов стихотворения «Оброчник» предложила Леа Пильд. По ее мнению, лирический субъект стихотворения – поэт, «целеустремленный герой, пролагающий в своей области новые пути и стремящийся увлечь за собой широкий круг подражателей и почитателей»¹⁷. «Толпа живая» – последователи и почитатели таланта поэта; «толпе» противопоставлен образ «диких зверей» («Пускай на пенье мне ответят воем звери»). В данном случае, замечает исследователь, Фет отсылает читателя к своему программному стихотворению «Муза» (1887), в котором образ «дикого зверя» был соотнесен с эстетическими противниками Фета – поэтами некрасовской школы, а также с их почитателями¹⁸. «Дверь» – граница земного и потустороннего миров, конечная цель пути поэта. Образ хоругви ассоциируется в сознании Леа Пильд с фрагментом из «Выбранных мест из переписки с друзьями», где Гоголь говорит «об образе Божьем как идеале для монарха, который “прозревали” в своем творчестве поэты-лирики. Стихотворение, безусловно, – считает исследователь, – неявно адресовано Александру III и другим членам императорской фамилии, его символика описывает начало нового этапа творческого пути Фета после получения им высочайшей награды – звания камергера»¹⁹.

Такая интерпретация стихотворения отнюдь не бесспорна. Она редуцирует, упрощает его содержание. Вряд ли Фет стал бы скрывать посвящение своего произведения Александру III и другим членам императорской фамилии: он этого не стес-

нялся. К примеру, следующее за «Оброчником» стихотворение в том же, четвертом выпуске «Вечерних огней» называется «Его императорскому величеству в.к. Константину Константиновичу»; еще через несколько страниц – посвящение «Их императорским высочествам в.к. Константину Константиновичу и в.к. Елизавете Маврикиевне», затем «На бракосочетание их императорских высочеств в.к. Павла Александровича и в.к. Александры Георгиевны» и т. д.

Сколь ни значительна для Фета была высочайшая награда к пятидесятилетнему юбилею его творческой деятельности – звание камергера, однако она не знаменовала собой нового этапа творческого пути поэта (заметим, что менее чем через два года Фета не стало). Необоснованной является и трактовка образа «хоругви» как знака благодарности Фета царю за получение высочайшей награды. Прочтение стихотворения «Оброчник» в «безрелигиозном ключе» переводит его в разряд произведений на тему «поэт и толпа», несколько искажает содержание и не дает возможности проникнуть в его философскую глубину.

Более плодотворной представляется иная, основанная на православном толковании, интерпретация образного строя стихотворения. Одно из значений слова «оброчник», зафиксированное в толковом словаре В. И. Даля, – человек, «обрекший себя на что, обещаник; напр. оброчники носят иконы на крестных ходах»²⁰. Следовательно, оброчник – человек, давший обет и обрекший себя на какое-то дело, служение.

Сюжетная канва фетовского стихотворения воссоздает крестный ход; лирический герой поднимает и несет «хоругвь священную», т. е. «священное изображение, носимое при крестных ходах на древке»²¹. Автор не конкретизирует, чье это изображение. Он акцентирует внимание на слове «хоругвь» (в значении церковного знамени вообще), ставя его в сильную позицию, на первом месте в стихотворении. Архаическая лексика подчеркивает возвышенный духовный смысл данного момента, величественную значимость происходящего:

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду, и тронулась за мной толпа живая...

В отличие от той «толпы», которую рисуют в своих стихотворениях Пушкин («Поэт и толпа») и Лермонтов («Поэт (Отделкой золотой блистает мой кинжал...»)), у Фета «толпа» – «живая»: жива ее душа, стремящаяся ко Господу. «Взыщите Бога, и жива будет душа ваша» (Пс. 68, 33). Фет изображает атмосферу всеобщего единения и воодушевления. «Толпа» находится в движении, причем это целенаправленное движение, одухотворяющее и возвышающее всех его участников.

Похожий образ «толпы» представлен и в ранней редакции стихотворения «Весна (Уж верба вся пушистая...)» (1844):

Шумит толпою праздною
Народ – чему-то рад.

Дитя тысячеглавое,
 Не знает он, что в нем
 Приветно-величавое
 Зажглось святым огнем;
 Что жизни тайной жаждою
 Невольно жизнь полна;
 Что над душою каждою
 Проносится весна.

«Толпа праздная» здесь – в значении «праздничная» – именуется по-разному: «народ», «дитя тысячеглавое». Народ испытывает состояние ликования, всеобщего праздника души, связанное с весенним преображением природы, с приходом Вербного воскресения, с ожиданием Пасхи. Фет показывает, как «святой огонь», зажегшийся в душах людей, преображает их.

Изображение крестного хода в стихотворении «Оброчник» опирается на личный жизненный опыт поэта. Фет был свидетелем крестного хода в Коренной пустыни, о чем поведал в книге «Мои воспоминания». Кстати, работа над этой книгой велась в 1887–1889 гг., что по времени совпадает с написанием стихотворения «Оброчник»²². События, о которых вспоминает мемуарист, происходили в 1852 г. (ему тогда было 32 года отроду).

Он рассказывает о поездке с отцом и братом Петрушей на Коренную ярмарку, о том, как они остановились на ночлег в одном из домиков и как камердинер отца, «растворив дверь <...> светелки, быстро проговорил: «Несут, несут <...>». Вот что увидел Фет: «Вдоль улицы показалась сплошная и бесконечная река непокрытых голов. Конные жандармы едва сдерживали приближающиеся народные волны, впереди которых шло многочисленное духовенство в блестящих ризах, а за ним на катафалке несли и самую икону. Из скольких тысяч человек состояла эта толпа, определить не могу: давно уже духовенство, с катафалком вослед, скрылось за углом по направлению к монастырю, а толпа продолжала прибывать вдоль улицы, и мы, не дождавшись ее конца, ушли к себе»²³.

Известно, что ежегодно в Воробьевское имение Фета крестным ходом приносили икону Знамения Божией Матери Курская Коренная, обносили ее вокруг усадьбы и совершали молебен. Участником «местных» крестных ходов непременно был сам поэт, впоследствии переплавивший впечатления от них в поэтическую форму.

Через все стихотворение проходят, варьируясь и видоизменяясь, два мотива: мотив «святыни» и «песни». Трижды повторяется в разных вариантах слово «святыня» (священную – святыню – с святыней), четырежды – однокоренные слову «песня» (воспевая – пою – пенье – песнью). Соединение двух названных мотивов происходит в четвертом стихе первой строфы: «И я блажен и горд, святыню воспевая». Первоначально эпитет «священный» используется применительно к образу «хоругви» («Хоругвь священную подъяв своей десной...»). Затем поэт употребляет это

слово, характеризуя содержание «песни», с которой крестный ход движется к своей цели («И я блажен и горд, святыню воспевая...»). Речь идет о молитвенных песнопениях, которыми обычно сопровождается крестный ход и которые раздражают мир нечистых духов, вызывая «вой зверей».

Мотив пения является сквозным в лирике поэта («Пусть будет песнь твоя чиста», «Не напевай тоскливой муки...», «И в сердце песню зарони», «Нет, не жди ты песни страстной...», «Чудную я песню слышал во сне...», «Истерзался песней соловей без розы...», «Злая песнь! Как больно возмутила...» и т. д.). Одно из первых стихотворений Фета, которое, несмотря на многочисленные насмешки современников, стало своеобразной его «поэтической декларацией» (А. Е. Тархов), – «Я пришел к тебе с приветом...» (1843). Недоумение, как известно, вызывала последняя строфа:

Рассказать, что отовсюду
 На меня весельем веет,
 Что не знаю сам, что буду
 Петь, но только песня зреет.

Если лирический герой данного стихотворения, переполненный впечатлениями от красоты окружающего мира, жаждой жить и любить, не знает, «что будет петь», то герой стихотворения «Оброчник» знает, что поет и для чего. «Святыня над челом» и «песнь на устах» исполняют его сознанием своей высокой миссии, дают силы преодолевать трудности, достойно проходить жизненный путь, двигаясь к вожделенной цели.

Стихотворение, что характерно для поэзии Фета, не выражает какой-то определенной мысли или конкретного чувства. В нем содержится комплекс мыслей и чувств. На первый взгляд декларативное, оно полно загадок, недоговоренности, смысловой размытости. Неясно, что именно декларирует поэт, какую «святыню воспекает» и до какой «двери» он собирается дойти. Вряд ли «дверь» здесь – метафора конца земной жизни, еще менее вероятно – «конечная цель пути поэта», как полагает Леа Пильд. Ведь речь в стихотворении идет не о «цели», а именно о «двери»:

С трудом, но я дойду до вожделенной двери.

«Дверь» – символ Христа в Евангелии от Иоанна: «Аз есмь Дверь: Мною Аще кто внидет, Спасется, и внидет и изыдет и Пажить обрящет» (Ин. 10.9). Эта спасительная дверь, знаменующая собой воссоединение со Христом, – цель земного бытия человека.

Стихотворение «Оброчник», написанное на излете жизни Фета, – глубоко значимое художественное произведение, выражающее его жизненное и поэтическое кредо. Творческий путь писателя и жизнь человека представлены в нем как многотрудный крестный ход, который необходимо пройти, преодолевая искушения, ничего не боясь, не реагируя на неизбежный «вой зверей», не признающих высокой земной миссии христианина:

Пою, и помыслам неведом детский страх,
Пускай на пенье мне ответят воем звери...

Тот, кто обрек себя на служение искусству, призван смиренно нести свой крест, надеясь на Господа: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? <...> Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще встанет на мя брань, на Него аз уповаю» (Пс. 26, 1,3).

Традиционное для русской поэзии уподобление поэта пророку, посланному свыше для осуществления особой миссии преображения мира, в лирике Фета трансформируется: поэт уподобляется оброчнику, обреченному на служение искусству, народу, призванному смиренно нести свой крест («хоругвь священную – поэтическое знамя»), «святыню воспевая». Речь в стихотворении идет о готовности до конца оставаться верным своему призванию, исполняя свою высокую земную миссию, о ценностных ориентирах семидесятилетнего поэта-оброчника, свершающего свой подвиг «с святыней над челом и песнью на устах», и о конечной цели его земного бытия – достижении «вожделенной двери» христианского спасения.

Примечания

- 1 См.: Блок Г. Рождение поэта : Повесть о молодости Фета. Л., 1924 ; Бухштаб Б. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974 ; Lotman L. Afanasy Fet. Boston, 1976 ; Gustafson Richard. The Imagination of Spring : The Poetry of Afanasy Fet. New Haven, 1966 и др.
- 2 Тархов А. Проза Фета-Шеншина // А. А. Фет. Соч. : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 390.
- 3 Струве Н. О мировоззрении А. Фета : Был ли Фет атеистом? // Вестн. русского христианского движения. 1984. № 139. С. 161–171.
- 4 См.: Эткинд Е. О мировоззрении А. А. Фета и культуре полемики // Вестн. русского христианского движения. 1984. № 141. С. 169–171 ; Макаров М. К полемике о мировоззрении А. А. Фета. Шеншин и Фет // Там же. 1984. № 142. С. 303–307 ; м. Юлиания. Еще о Фете : Письмо в редакцию // Там же. № 144. С. 292–293.
- 5 Струве Н. Указ. соч. С. 169.
- 6 См.: Эткинд Е. Указ. соч. С. 174.
- 7 Эзеберг Э. Библейские мотивы в лирике А. А. Фета // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Петрозаводск, 1998. С. 250, 251.
- 8 Там же. С. 251.
- 9 Скафтымов А. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Скафтымов А. Поэтика художественного произведения / сост. В. Прозоров, Ю. Борисов ; вступ. ст. В. Прозорова. М., 2007. С. 40.
- 10 В настоящее время ведется работа по изданию двадцатитомного собрания сочинений и писем поэта. Вышли из печати следующие тома: Фет А. А. Соч. и письма : в 20 т. / гл. ред. В. Кошелев. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1839–1863. СПб., 2002 ; Т. 2. Переводы. 1839–1863. СПб., 2004 ; Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи. СПб., 2006 ; Т. 4. Очерки : Из-за границы. Из деревни. СПб., 2007.
- 11 Наиболее значительные публикации эпистолярного наследия Фета, появившиеся в последние годы: А. А. Фет и его литературное окружение // Лит. наследство. Т. 103 : в 2 кн. / отв. ред. Т. Динесман. Кн. 1. М., 2008 ; Кн. 2. М., 2011 ; А. А. Фет. Материалы и исследования / отв. ред Н. Генералова, В. Лукина. Вып. 1. М. ; СПб., 2010 ; А. А. Фет. Материалы и исследования / отв. ред Н. Генералова, В. Лукина. Вып. 2. М. ; СПб., 2013.
- 12 Переписка <Фета> с Н. Н. Страховым (1877–1892) / вступ. ст., публикация и коммент. Н. Генераловой // Лит. наследство. Т. 103. Кн. 2. С. 301. Фет был переводчиком основных трудов А. Шопенгауэра. В 1880 г. он закончил работу над первой книгой Шопенгауэра «Мир как воля и представление».
- 13 См.: Шенишина В. А. А. Фет как метафизический поэт // А. А. Фет. Поэт и мыслитель : сб. науч. тр. / ИМЛИ РАН, Академия Финляндии. М., 1999. С. 16–54 ; Она же. Молитва «Отче наш» в переложении А. А. Фета // Там же. С. 54–69 ; Она же. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. М., 2003.
- 14 Роземблюм Л. А. Фет и эстетика «чистого искусства» // А. А. Фет и его литературное окружение // Лит. наследство. Т. 103, кн. 1. С. 41.
- 15 Измайлов Р. Поэзия и богословие : к постановке проблемы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 93, 94.
- 16 Четвертый выпуск «Вечерних огней» появился в печати в преддверии 70-летнего юбилея Фета, который праздновался 23 ноября 1890 г., «без каких-либо публичных торжеств и чествований, как глубоко личная знаменательная дата. И этот выпуск не мог в сознании поэта не совместиться с этим, тоже довольно печальным, торжеством». (Кошелев В. Афанасий Фет : Преодоление мифов. Курск, 2006. С. 283–284). Леа Пильд связывает появление четвертого выпуска «Вечерних огней» с другим юбилеем – 50-летием творческой деятельности А. А. Фета, который торжественно праздновался в Москве 29 января 1889 г., и с последовавшим вскоре после этого события получением камергерского звания. (См.: Леа Пильд. Table-Talk Полонского и юбилей Фета. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf (дата обращения: 14.03. 2014)).
- 17 Леа Пильд. Указ. соч.
- 18 Такое толкование является произвольным: образа «дикого зверя» в стихотворении Фета «Муза» (1887) нет.
- 19 Леа Пильд. Указ. соч.
- 20 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1979. Т. 2. С. 615.
- 21 Там же. Т. 4. С. 562.
- 22 См. об этом: Черемисинова Л. Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 322. Об истории написания воспоминаний поэта также см.: Черемисинова Л. Из творческой истории мемуаров А. А. Фета // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина : Научный журнал. 2008. № 4 (16). Сер. Филология. С. 38–43.
- 23 Фет А. Воспоминания : в 3 т. Т. 1. Мои воспоминания. 1848–1889. Ч. 1. М., 1992. С. 18.